

цевъ; пѣло нѣсколько хорова военныхъ пѣсенниковъ. Если въ то время къ Курскъ заѣзжали акробаты, то и ихъ приглашали въ садъ. Угощеніе для публики состояло изъ аршада, лимонада, чая, пирожного, конфетъ отъ Ливашкевича и апельсиновъ, въ то время дорогого фрукта. Угощеніе хранилось въ нѣсколькихъ палаткахъ и изъ нихъ, словно на балу, разносилось между публикой на подносахъ официантами во фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ. Когда темнѣло, садъ освѣщался разноцвѣтными фонариками и плошками, а около десяти часовъ гулянье заканчивалось и публика, довольная и благодарная къ состоятельному классу, на пожертвованія котораго устраивалась встрѣча весны, расходилась по домамъ.

Рѣдкій гость *).

За воротами направо, при выѣздѣ на Московскую дорогу, минуя домъ арестантскихъ ротъ, стоялъ небольшой деревянный домикъ; хозяинъ его — курскій мѣщанинъ, — базарный барышникъ. Имѣя жену и дочь, онъ мало заботился о нихъ; почти весь его заработокъ шелъ на вино.

Въ Курскѣ ожидали императора Александра I, ѣхавшаго въ Таганрогъ, а потому базаръ не состоялся, и барышникъ раньше обыкновеннаго возвратился домой, все-таки выпивши, и завалился спать. Дочь пошла посмотреть встрѣчу государя, а жена, уже пожилая женщина, принялась за вязанье кружевъ на коклюшкахъ — она съ дочерью почти тѣмъ и содержали себя. Вдругъ она слышитъ шумъ колесъ подъ окнами, смотреть въ окно и видитъ: у воротъ остановились двѣ кареты; изъ нихъ вышло нѣсколько военныхъ и направились въ ворота и не успѣла женщина сообразить, чтобы это могло быть, какъ скрипнули двери и въ комнату вошло нѣсколько военныхъ.

„Ну это за мужемъ; видно онъ съ пьяна что-нибудь набѣдокурилъ и его хотятъ арестовать“ мелькнуло въ головѣ

*) Передано моимъ отцомъ, знавшимъ лично осчастливленныхъ посещеніемъ Императора Александра I жителей.